

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

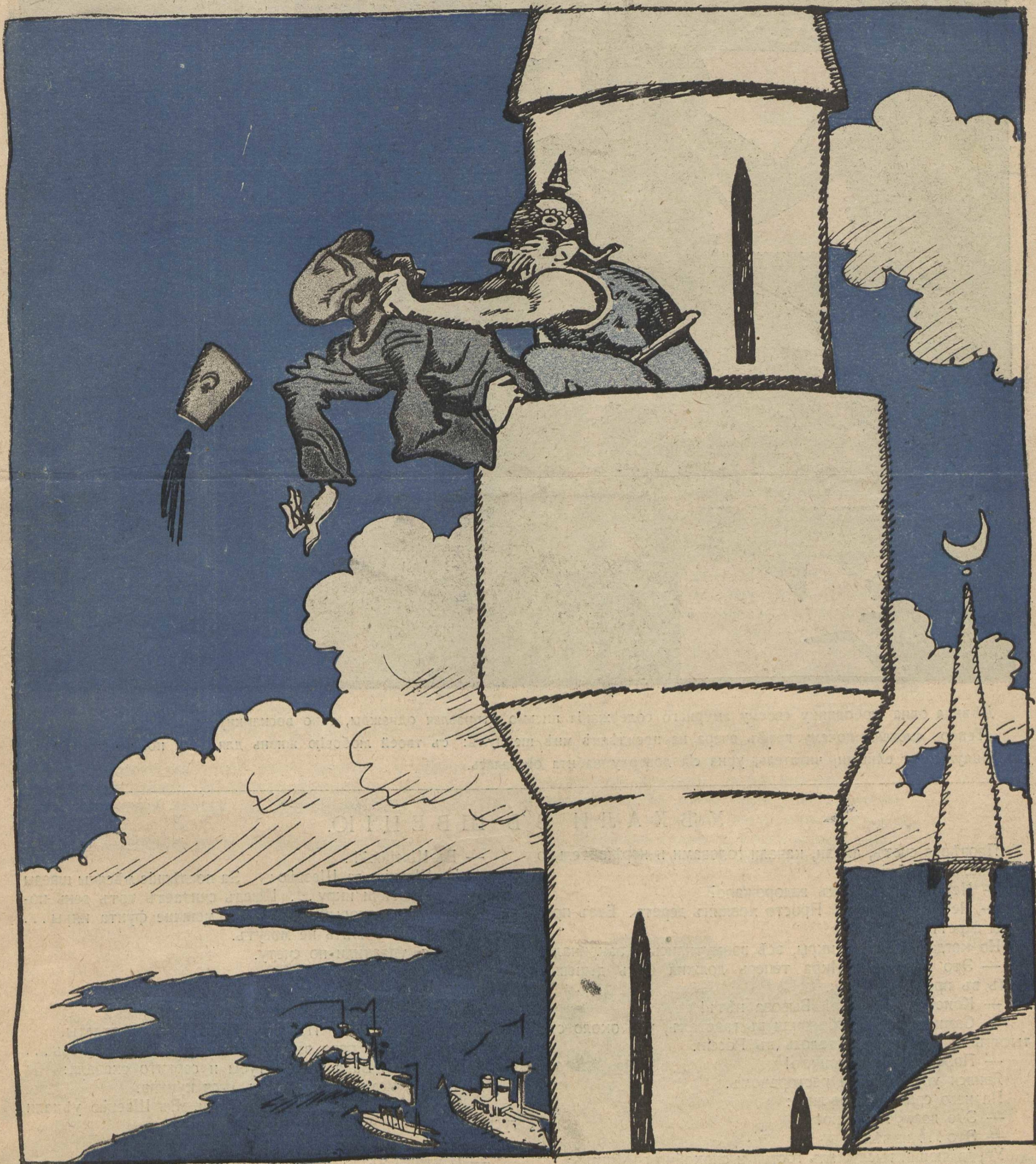
№ 10

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

5 МАРТА.

Рис. Ре-ми.

ВѢРНЫЙ ДРУГЪ.

Нѣмецъ: — Падай, падай, Махмудъ! Пользуйся случаемъ: враги такъ близко подошли, что тебѣ, навѣрно, удастся задавить одного-другого изъ проклятыхъ гауровъ!

Дѣвица одна любовнику своему амурнаго содержания письмо отправля однажды, тако воскликнула:
„Теперь смеаю, почему графъ вчера на посидѣлкѣ мнѣ шепнулъ: съ твоей любовію жизнь для меня полная чаша!“
Цидульками ейными, читатель, урна сія доверху набита оказалась.

У Ъ Х А Л И В Ъ Ш В Е Ц І Ю .

Провѣряя счетъ, ахали, качали головами и нерѣшительно выражали сомнѣніе:

— Неужели, все такъ вздорожало?

— Не можетъ быть! Просто хозяинъ деретъ. Безъ причины деретъ.

Но когда дошли до икры, всѣ возмутились и закричали:

— Это грабежъ. Икра теперь должна быть дешевле, чѣмъ въ прошломъ году.

— Конечно, дешевле! Вывоза нѣтъ!

— Сами торговцы объявили въ газетахъ, что около ста тысячъ пудовъ икры осталось въ Россіи.

— Позвать управляющаго!

Явился управляющій рестораномъ.

На него сразу накинулись:

— Это возмутительно!

— Это... измѣна!

Управляющій выслушалъ гостей и спокойно сообщилъ:

— Дѣйствительно, икра вздорожала, но что же дѣлать?

Мало ея у насъ осталось...

— Какъ мало? Вѣдь сто тысячъ пудовъ было...

— Было, а теперь нѣтъ... Икра уѣхала въ Швецію...

— Въ Швецію?!

— Въ Швецію, въ Швецію... За послѣдніе мѣсяцы шведы страшно полюбили икру... Шведъ считаетъ тотъ день потеряннѣмъ, въ который онъ съѣлъ меньше фунта икры... Безъ икры прямо жить не могутъ.

Вздыхая, уплатили по счету.

За обѣдомъ дѣти ворчали:

— Опять котлеты! Изъ горла лѣзутъ эти котлеты.

— Прежде три раза въ недѣлю птица была. Теперь...

Десятилѣтняя Валя надула губы и сердито сказала:

— Ты бы, мама, когда-нибудь гуся купила.

— Гуся? Нѣтъ теперь, Валя, гусей. Въ Швецію уѣхали гуси.

— Такъ купи утку.

— И утокъ нѣтъ. Въ Швецію уѣхали утки.

— Хотя бы курицу зажарили.

— И куръ немного осталось. Въ Швецію куры уѣхали.

Послѣ обѣда маленькій Шура подошелъ къ мамѣ и таинственно прошепталъ ей на ухо:

— Мама, тамъ молоко стоитъ на окнѣ; прикажи Дунѣ, чтобы она молоко поставила въ буфетъ и заперла...
 — Это зачѣмъ же? — спросила мама.
 — Чтобы въ Швецію не уѣхало, мама...
 Мама засмѣялась, но подумала:
 — Чего только не бываетъ у насъ... Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, и молоко не уѣхало въ Швецію...

Въ швейцарской пятилѣтней Петька хныкалъ:
 — Ъсть хоцу... Хлѣба хоцу... Петя хлѣба хоцетъ...
 Мать Пети, маленькая женщина, съ сѣрымъ лицомъ, сердито ворчала:
 — Опять хлѣба захотѣлъ? Вѣдь недавно ѣлъ... Хлѣбъ теперь дорогъ... Не по нашимъ средствамъ теперь хлѣбъ.
 Отецъ Пети, степенный швейцаръ, снялъ очки, отложилъ въ сторону «Копѣйку» и солидно замѣтилъ:
 — Пишутъ вотъ, что хлѣбъ еще дороже будетъ.
 — Еще дороже?!
 Жена швейцара всплеснула руками.
 — Еще дороже? Господи Иисусе! Отчего же это?
 — Пишутъ, что хлѣбъ въ Швецію уѣхалъ.
 — Куда?
 — Въ Швецію. Страна такая есть. Хлѣба у нихъ своего нѣту, вотъ мы имъ свой, значить, посылаемъ. Пусть кушаютъ на здоровье. Намъ не жалко.
 — Зачѣмъ же имъ такъ много?
 — Потому Швеція не одна. У нея еще Норвегія на полномъ содержаніи. Сначала вмѣстѣ жили. Такъ и писали про нихъ «Швеція-Норвегія», въ родѣ, какъ «Сименсъ и Гальске» или «Блигкенъ и Робинсонъ», а теперь они разошлись. Но, хотя и разошлись, а кормить надо.
 — Ъсть хоцу! — прервалъ Петька высокоавторитетную рѣчь отца.
 Получивъ нѣсколько шлепковъ и кусокъ хлѣба, еще не успѣвшего выѣхать въ Швецію, Петька замолчалъ.

Въ кабинетѣ извѣстнаго ученаго экономиста, несмотря на поздній часъ ночи, горѣлъ огонь.
 Ученый сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ статью для журнала, съ которымъ считаются не только въ ученыхъ кругахъ, но и въ правительственныхъ.
 Ученый писалъ:
 «Вполнѣ установленъ фактъ, что во время войны въ нейтральныхъ странахъ аппетитъ у отдѣльныхъ людей увеличивается въ нѣсколько десятковъ разъ.
 Для примѣра возьмемъ Швецію.
 Судя по количеству ввозимыхъ въ нее продуктовъ, каждый шведъ или шведка съѣдаютъ въ день не менѣе 38 фунтовъ ржаного хлѣба и такового же количества фунтовъ ситнаго.
 Кромѣ того, каждый шведъ и шведка съѣдаютъ въ день:
 1) пять гусей, 2) семь утокъ, 3) двѣнадцать куръ, 4) 42 яйца, 5) три фунта икры и 6) одиннадцать пудовъ свинины.
 Чѣмъ объясняется такой ростъ аппетита у обитателей нейтральныхъ странъ, мы сейчасъ сказать не можемъ.
 Въ слѣдующей статьѣ мы поговоримъ объ этомъ детально.»
 Будемъ терпѣливо ждать компетентныхъ объясненій ученыхъ...

О. Л. Д'Орь.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:
 Въ виду перехода редакціи, издательства и конторы «Новый Сатириконъ» въ другое, болѣе обширное помѣщеніе—просимъ всю корреспонденцію направлять по новому адресу:
Петроградъ, Невскій, 88.

ОЧЕРЕДНОЙ СКАЛЬПЪ.

На страницахъ нововременскаго «Лукоморья», въ числѣ прочихъ, появился сатирикъ Красный.
 Семь лѣтъ былъ *Краснымъ* онъ — не шутка! —
 И вдругъ сталъ черенъ лицедѣй;
 Отъ... несваренія желудка:
 Поѣлъ зеленыхъ желудей.

В. Князевъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭСКИЗЫ.

(Посвящаю А. А. Батчикову.)

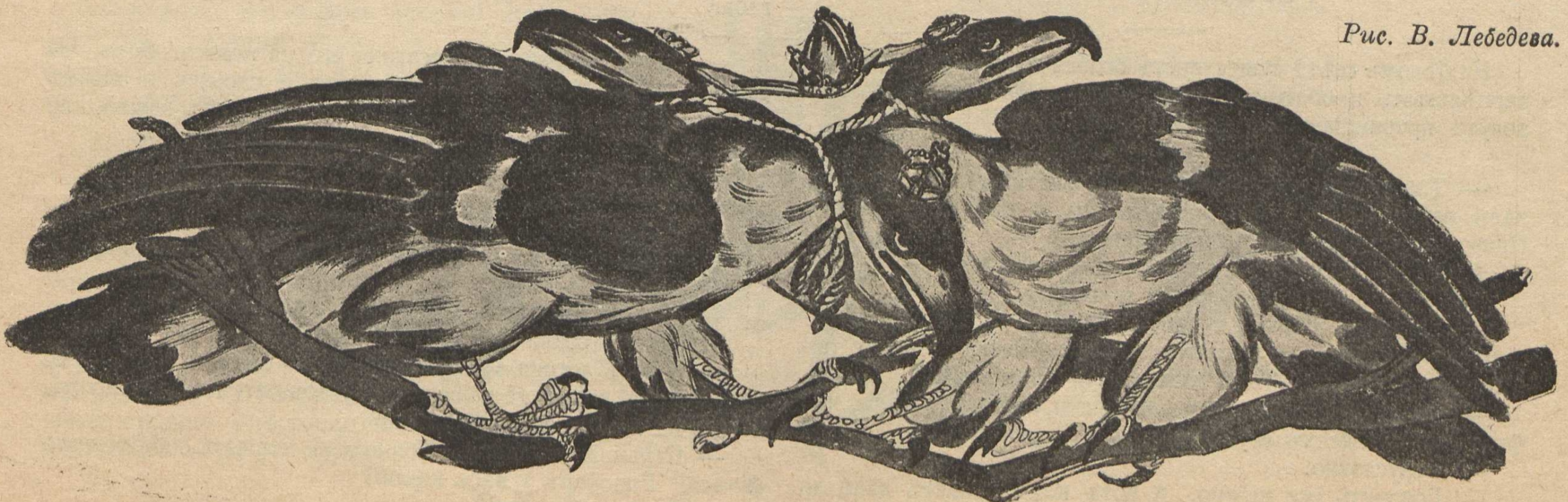
I.

„Обозрѣватель“.

У него есть карта «дѣйствій» — (кухня «Нивы») И флажки «союзныхъ» и «согласныхъ» странъ, Есть осколокъ бомбы, сходный съ видомъ сливы, Даже изъ картона сдѣланъ гидропланъ...
 Утромъ, не вставая съ ласковой постели, Онъ прочтетъ газету «Нашихъ не замай!», Послѣ переставитъ два флажка безъ цѣли И точнѣй изучитъ Зачорохскій край...
 Но надѣвъ визитку, въ зеркало вопьется, Приметь двѣ-три позы, ставши у стѣны,
 — М-да... проборъ... — проямлитъ, тонко улыбнется, —
 — Внѣшность дипломата... гм... изгибъ спины...
 Есть монокль, но съ болью спрятанъ въ чемоданѣ, Глушь... Надѣнь — повѣсятъ въ мигъ на всѣ сучки, И, шмурыгнувъ носомъ, скажетъ Лиза Анѣ:
 «Видно, не хватило денегъ на очки».
 Въ земствѣ онъ, конечно, дѣловой и строгій И, привычно встрѣтивъ машинистокъ вздохъ, Въ двухъ словахъ кассиру «мзурскія дороги»
 Объяснитъ, отмѣтивъ «сущность и подвохъ»...
 Въ докторской гостиной, въ клубѣ ли, въ «Электро», Для мужчинъ «субъектикъ», онъ для дамъ «предметъ», Въ жизни онъ слянье всѣхъ оттѣнковъ спектра,
 — Солнца лучъ, а проще: онъ — авторитетъ...
 Даже гимназисткой Аничкой озноенъ, Онъ предвидитъ турокъ неизбежный крахъ, Ей же мило то, что онъ плечисто-строенъ,
 Что цвѣтетъ румянецъ на его щекахъ...
 А въ «знакомомъ домѣ», чуть уснетъ шумиха, Въ дѣтской о разгромѣ австро-пруссскихъ силъ Сонѣ Жоржикъ скажетъ, подкрѣпивши тихо:
 «Самъ Аксанъ Аксанычъ мамѣ говорилъ»...

Сергій Михѣевъ.

Рис. В. Лебедева.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ ВО ВРЕДЪ СЕБѢ.

Вильгельм Гогенцоллерн: — Какъ жаль, что я хорошій актеръ; будь я плохимъ актеромъ, меня забросали бы яйцами и варенымъ картофелемъ — и тогда мнѣ и моимъ нѣмцамъ было бы что кушать.

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

На бѣломъ свѣтѣ существуетъ особая серія необыкновенно терпѣливыхъ и обходительныхъ людей. Въ общежитіи ихъ зовутъ провинціальными редакторами.

— Такой прекрасный, выдержанный рассказъ, — сказалъ редакторъ, — и погубленъ ни за понюшку табаку. Право, это граничитъ съ кощунствомъ.

Авторъ рассказа снисходительно улыбнулся.

— Хотѣлъ бы я видѣть эту понюшку.

— За этимъ дѣло не станетъ. Запятая въ томъ, что фугасы на колесахъ не бывають. А разъ такъ, то всему построенному на этой темѣ рассказу — грошъ цѣна.

— Ага. По-вашему, по-редакторски, выходитъ такъ, что фугасы на колесахъ ерунда?

— Безусловно.

— Говорить все можно. А вотъ какъ дойдетъ дѣло до доказательства...

— Нѣтъ ничего легче. Надо только знать, что такое фугась.

— Знаю.

— Врядъ ли, разъ вы посадили его на колеса. Вотъ, мы сейчасъ раскрываемъ энциклопедическій словарь и ищемъ фугась. Такъ. «Взрывъ пороха, положеннаго въ землю, или обвернутаго какимъ-нибудь матеріаломъ». Ясно?

— Ага. Об-вер-ну-та-го.

— Слѣдовательно, о колесахъ рѣчи быть не можетъ?

— Можетъ. Сами сказали: «обвернутаго». То-есть сверху, снизу, съ боковъ. Снизу мой фугась обернуть колесами.

— И ѣдетъ?

— Разъ есть колеса, почему бы ему и не поѣхать?

Редактору стало весело.

— У васъ логика третьяго сорта, — сказалъ онъ, — но положенія дѣла это не мѣняетъ. Фугась останется фугасомъ, и ужъ на колеса вы его не втащите.

— Странная придирка. Точно я не хозяинъ собственнаго фугаса? Гонораръ у васъ какой?

— Вы это серьезно?

— О гонорарѣ?
— О фугасѣ на колесахъ.
— Вполнѣ.
— Слушайте, скажите мнѣ, — но только по чистой совѣсти, скажите — потому, что мнѣ слишкомъ обидно думать, что вы позволяете себѣ шутить съ совершенно чужимъ человѣкомъ, старымъ, занимающимъ опредѣленное общественное положеніе...

— Фу, какъ длинно. Я не шучу.
— Значитъ, вы твердо убѣждены въ томъ, что не въ вашей фантазіи, а въ жизни возможенъ фугасъ на колесахъ?
— Я видѣлъ.
— Ложь. Вы никогда и нигдѣ не видѣли.
— Ну, не видѣлъ, такъ предполагаю, что увижу.
— Что жъ, специально для васъ сдѣлаютъ?
— Для меня — это слишкомъ много. Но не былъ же я въ головѣ у нѣмца. Мы вотъ съ вами разговариваемъ, а нѣмецъ тѣмъ временемъ взялъ да сдѣлалъ по-моему.

— Въ первый разъ вижу такого монстра! Не будь въ васъ зачатковъ таланта, я съ вами и разговаривать не сталъ бы. Но вы же умѣете писать и вы обязаны знать, что никогда, сто разъ подчеркиваю, ни-ког-да не бываетъ фугаса на колесахъ, и что если подъ него подвести колеса, то это будетъ такъ же бессмысленно, какъ дѣлать пули изъ пробки.

— Пули изъ пробки бываютъ.
— Что-съ?
— Бываютъ въ дѣтскихъ пистолетахъ. Я это самъ видѣлъ. Значитъ, и фугасы бываютъ на колесахъ.
— Виновать... Ваше общественное положеніе?
— Инженеръ-строитель.
— О Боже!
— Вамъ завидно? Быть инженеромъ куда важнѣе, чѣмъ редакторомъ газеты.

— Слушайте: поймите вы мою психологию: ко мнѣ приходитъ человѣкъ, интеллигентъ и по физиономіи, и по перу, и по профессіи, — и этотъ интеллигентъ сообщаетъ мнѣ возмутительную новость о фугасахъ на колесахъ; когда я говорю, что это — ересь, онъ протестуетъ, онъ всячески ищетъ лазейку для оправданія... Я опытенъ, я знаю, что говорю, и мнѣ этотъ интеллигентъ абсолютно не вѣритъ. Да почему? Упрямство? Ложный стыдъ? Ахъ, право... (Редакторъ весь перекривился)... Ну, для меня, наконецъ, вопросъ чести убѣдить васъ въ томъ, что никогда и нигдѣ фугасы на колесахъ не бываютъ. Потрудитесь прослушать полную лекцію.

— Благодарю. Не надо. Я знаю.
— А, чтобъ вамъ! Фугасы обычно кладутся въ тѣхъ...
— Это тѣ, которые безъ колесъ. А что съ колесами, тѣ возятся. Это, такъ сказать, вставка по существу, — тономъ пиѣи сказалъ авторъ.
— У насъ въ музеѣ, — сдерживая желаніе ударить автора чѣмъ-нибудь тяжелымъ, сказалъ редакторъ, — есть фугасъ. Зайдите завтра въ одиннадцать и посмотрите.

— Видѣлъ.
— Ну?
— Что жъ, фугасъ — какъ фугасъ. Ничего особеннаго.
— А колеса?
— Какія колеса?

Редакторъ вдругъ поблѣднѣлъ, поднялся со стула и, тяжело дыша, спросилъ:

— Будете слушать доказательства?
— Посмотрю я на васъ, — любите вы ломиться въ открытую дверь. Сказано вамъ, что бываютъ фугасы на колесахъ — и конченъ балъ.

— Это послѣднее слово?
— Самое.

— Хорошо же, я вамъ докажу! Вотъ ваша рукопись. Видите? Вотъ! Я ее сейчасъ — р-разъ! Я ее — два! На куски! Подъ столъ! Не сажай фугаса на колеса! Не сажай!

— Неужели порвали?
— Порвалъ.

— Такъ... Значитъ, была рукопись, нѣтъ рукописи... Былъ фугасъ, нѣтъ фугаса... Вотъ вѣдь странно... Съ самого начала войны былъ увѣренъ, что фугасъ въ родѣ пушки... Стрѣляетъ — значитъ, на колесахъ... Странно... Очень странно... А теперь яснѣе яснаго вижу, что ерунда...

Впервые смутившись, авторъ спросилъ:
— Скажите... Почему вы съ самого начала не порвали рукопись? Доказывать, такъ доказывать по-настоящему...

Евграфъ Дольскій.

САМОЕ ДОСТОВѢРНОЕ.

КАЙЗЕРЪ. Любезный Бетманъ-Гольвегъ, прочитайте мнѣ, пожалуйста: какъ я закончилъ свою послѣднюю рѣчь?

БЕТМАНЪ-ГОЛЬВЕГЪ. Вы изволили сказать: «Нашъ народъ побѣдитъ всѣхъ враговъ германской культуры. Небо на нашей сторонѣ».

КАЙЗЕРЪ. «Небо на нашей сторонѣ»... Гмъ... Это не совсѣмъ убѣдительно... Слѣдующій разъ я закончу свою рѣчь такъ: «Изъ достовѣрныхъ источниковъ я знаю, что небо на нашей сторонѣ»...

Недотыкомка.

ТѢНИ.

Между горящихъ,
Между творящихъ,
Между овѣянныхъ сѣчью,
Встрѣтившихъ смѣло
Бранное дѣло —
Грудью и трезвою рѣчью, —
Полныя скорби,
Urbí et orbí,
Бродятъ какія-то тѣни:
Бродятъ, какъ воры...
Темные взоры,
Полные всякихъ смятеній...
Въ дряблости кожи —
Проблески дрожи
Тайно-томящихъ желаній...
Хитрыя плечи,
Тихія рѣчи,
Потныя, липкія длани...
Ищутъ наивныхъ,
Ищутъ пассивныхъ,
Сѣютъ какіе-то слухи...
Тихо, но внятно
Дѣлаютъ пятна,
Словно на зеркалѣ мухи.
— «Слышали? Вильно
Тронута сильно!
Дальше свободно до Гродно!
— Слышали вѣсти?
Нѣмцы-то въ Брестѣ!
Это вамъ что, благородно?»
Льются съ слюною
Капельки гною,
Падаютъ въ душу кретина,
Слушаетъ въ мукѣ
Хлипкіе звуки,
Вьется вокругъ паутина...
Встанетъ со стула,
Выйдетъ сутуло,
Встрѣтитъ другого кретина:
— «Слышали? Финны
Ставили мины!
Въ Швеціи — та же картина!»...
Urbí et orbí,
Полныя скорби,
Бродятъ какія-то тѣни,
Бродятъ, какъ воры...
Темные взоры,
Полные всякихъ смятеній.

Въ дряблости кожи —
Проблески дрожи
Тайно-томящихъ желаній...
Трепетность лани,
Потныя длани...

Меньше бы этакой дряни!

Владиміръ Воиновъ.

Рис. К. Кузнецова.

ОДЪЯЛА ПОБѢДЪ.

„Австрійцы заставляють военно-плѣнныхъ щипать и мять газетную бумагу и дѣлать изъ нея одѣяла для солдатъ“.

Какъ будто въ банѣ,
Тепло на Санѣ.
Въ лѣскѣ — славяне,
За лѣсомъ швабъ.

Гудятъ славяне,
Готовясь къ брани.
У шваба въ станѣ —
Спокойный храпъ.

Храпятъ солдаты,
Морфеємъ взяты.
Молчатъ Карпаты.
Поля молчатъ.

Довольны малымъ,
Спятъ сномъ усталымъ,
Подъ одѣяломъ
Изъ вѣнскихъ «Blatt».

Вотъ Blatt «Минутка».
Въ «Минуткѣ» — утка.
На уткѣ, — ну-т-ка, —
Мягчайшій пухъ.

Какъ греза-фея,
Какъ Лорелея,
Онъ, тѣло грѣя,
Ласкаетъ слухъ;

Онъ усыпляетъ;
Онъ согрѣваетъ;
Онъ навѣваетъ
Златые сны:

О блескѣ славы
Австрійской лавы,
О щакѣ Варшавы,
Линяхъ Шексны...

Нѣжнѣе мессы,
Напѣвы прессы...
— Тамъ, нѣтъ Одессы!
Москва взята!

Холера въ Псковѣ!
Бунты въ Тамбовѣ!
Чума въ Ростовѣ!
Въ цынгѣ Чита!

... Какъ будто въ банѣ,
Тепло на Санѣ.
Въ лѣскѣ — славяне,
И швабъ въ лѣсу:

Швабъ дрался слабо, —
И взяли шваба
Безъ одѣяла,
И sans dessous...

Евг. Вѣнскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Добрый отецъ.

Нѣжные нѣмецкіе родители рѣшили такъ: если у насъ уже нѣтъ хлѣба, чтобы кормить дѣтей хлѣбомъ, — будемъ угощать ихъ колотушками...

Это все-таки лучше, чѣмъ ничего.

„Frankf. Zeit.“ приводитъ нѣсколько забавныхъ писемъ деревенскаго парня къ своей женѣ, которыя могутъ служить образцомъ лаконизма. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ войны молодая солдатка получила всего лишь два письма. Первое гласило: „Дорогая жена! Я еще живу. Посылку я получилъ. Если мальчуганъ шалитъ, то вздуй его. Привѣтъ. Адольфъ“. Второе письмо: „Дорогая Берта! Я все еще живу, что меня крайне удивляетъ. Если мальчишка все еще шалитъ, то вздуй его еще разъ. Привѣтъ. Адольфъ“.

Послѣ долгаго перерыва солдатка получила фотографическую карточку изъ Гейдельбергскаго лазарета. На груди у мужа висѣлъ желѣзный крестъ. На оборотѣ карточки написано было: „Дорогая Берта! Я былъ раненъ, теперь я снова здоровъ и завтра отправляюсь въ дорогу. Если мальчишка шалитъ, то отдери его за уши. Привѣтъ. Адольфъ“.

Солдатка попросила мужа написать ей, по крайней мѣрѣ, при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ желѣзный крестъ. Отвѣтъ гласилъ: „Дорогая Берта! Съ желѣзнымъ крестомъ было очень просто. Меня позвалъ маіоръ, мнѣ пришлось стоять въ струнку, а фельдфебель надѣлъ мнѣ крестъ. Привѣтъ. Адольфъ“.

Пожалованіе желѣзнаго креста такъ выбило изъ колеи и обрадовало Адольфа, что онъ даже забылъ сдѣлать къ письму самую важную приписку: вздуть хорошенько сынишку.

Свиньячья трагедія.

Раньше между нѣмцемъ и свиньей была довольно рѣзкая грань; но теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше стирается эта грань:

Въ виду недостатка въ Германіи кормовыхъ продуктовъ, прусскій министръ земледѣлія предписалъ не давать свиньямъ даже гнилого картофеля, а кормить ихъ измельченною наподобіе муки соломою.

Отбросы же, которыми раньше питали свиней, нѣмцы должны сохранять для собственнаго потребленія.

Тяжелая диллема встала нынѣ передъ прусскимъ министромъ земледѣлія: нѣмца накормить — свинья протянетъ ноги; свинью накормишь — нѣмецъ протянетъ ноги.

Вѣроятно, благоразумный, экономный хозяинъ рѣшилъ такъ: часть нѣмцевъ буду кормить свиньями, часть свиней — нѣмцами.

И не будетъ тогда никому обидно, и возрастетъ прусское благосостояніе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Блестящая мысль.

Какъ легко рѣшаются запутанные экономическіе вопросы:

Германія въ ближайшемъ будущемъ намѣрена организовать недѣлю золота. Будетъ выпущено воззваніе, приглашающее каждого жителя Германской имперіи жертвовать правительству золотыя кольца, браслеты, серьги и другіе предметы и этимъ способствовать окончательной побѣдѣ надъ врагомъ.

Не знаетъ Германія психологіи своихъ дѣтей: для берлинца лучше семьсотъ разъ „гохъ!“ крикнуть, чѣмъ семирублевое золотое колечко здорово-живешь отдать.

Новая обезьяна, выдуманная нѣмцами.

Впрочемъ, берлинская администрація придумала болѣе дѣйствительный способъ „сбора золота“.

„Lokal-Anzeiger“ сообщаетъ о слѣдующемъ фактѣ, характерномъ для теперешней берлинской жизни. Въ одной берлинской семьѣ хозяйка дома послѣ крещенія ребенка поставила на столъ гостямъ „кухень“ собственнаго изготовленія. Какъ только присутствующіе принялись за угощеніе, сейчасъ же явился полицейскій съ понятиями. Отвѣлавъ пирогъ и установивъ, что онъ изготовленъ съ нарушеніемъ правилъ о пропорціяхъ муки, полицейскій тутъ же вручилъ какъ хозяйкѣ, такъ и гостямъ увѣдомленіе о наложенномъ на нихъ штрафѣ.

Сразу двѣ выгоды: во-первыхъ, голодный казенный полицейскій отвѣдалъ частный кухень, а во-вторыхъ, нѣмецкая казна получила наличными — за неправильность въ частномъ кухенѣ.

О русском „паническомъ страхѣ“ и „вражеской бодрости“.

Хорошо пишутъ курскіе помѣщики.

Странно пишутъ нѣмецкіе ландштурмисты:

Въ № 623 „Berliner Tageblatt“ отъ 8 декабря помѣщено письмо ландштурмиста, въ которомъ описываются боевые подвиги германскаго отряда въ восточной Пруссіи. Авторъ говоритъ дословно слѣдующее: „Мы бодро шли впередъ, и никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что мы даемъ прямо въ руки неприятелю. Мы думали, что наша 5-я рота все еще занимаетъ нашу прежнюю позицію, но оказалось, что траншеями завладѣли русскіе. Когда русскіе насъ увидѣли, то ихъ охватилъ паническій страхъ (?!), и они, думая, очевидно, что за нами слѣдуетъ вся армія Гинденбурга, съ громкимъ крикомъ бросились на насъ. Вы можете себѣ представить, какъ мы перепугались. Къ счастью, мѣстность была холмистая, иначе мы всѣ погибли бы. Взявъ „ноги подъ мышку“, мы бросились бѣжать“.

Станный народъ русскіе солдаты. Они въ паническомъ страхѣ бросаются впередъ.

Скоро вся русская армія будетъ охвачена этимъ паническимъ страхомъ, а быстрые, безстрашные нѣмцы возьмутъ по командѣ „ноги подъ мышки“ — и война закончится.

Безопасныя бомбы.

За послѣднее время гарнизонъ Перемышля не предпринимаетъ вылазокъ, но крѣпостная артиллерія обнаруживаетъ большую дѣятельность и ежедневно выпускаетъ весьма значительное количество тяжелыхъ снарядовъ по занимаемымъ нашими войсками позиціямъ, и, однако огонь этотъ является совершенно безвреднымъ. На тысячу выпущенныхъ крѣпостью тяжелыхъ бомбъ у насъ часто приходится всего одинъ раненый.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ русской арміи, обложившей крѣпость, смертность отъ женскихъ болѣзней выше смертности отъ перемышльскихъ бомбъ.

А, можетъ быть, австрійцы изобрѣли особый родъ безвредныхъ бомбъ, какъ существуютъ, на примѣръ, безопасныя спички или непромокаемые плащи.

Американцы веселятся.

„Петроградск. Курьеръ“ сообщаетъ:

КОПЕНГАГЕНЪ, 21—II. Въ Америкѣ заключены многомилліонныя пари на то, когда будетъ заключенъ миръ. Наибольшій терминъ назначенъ на июнь, къ большому пробѣгу (?!).

Что это за „большой пробѣгъ“? Пробѣгъ ли Франца-Иосифа изъ Вѣны въ Берлинъ или пробѣгъ русскихъ до Берлина, Вѣны и Лейпцига?

Неясно пишутъ въ „Петрогр. Курьерѣ“.

Дорогіе солдаты.

Кто кого больше цѣнить — русскій генераль нѣмецкаго солдата или нѣмецкій генераль русскаго солдата?

Вотъ отвѣтъ на этотъ принципиальный вопросъ:

Германцы, нуждаясь въ захватѣ нашихъ плѣнныхъ, чтобы выяснитъ точно группировку нашихъ войскъ, установили на лѣвомъ берегу Вислы денежную премию въ сто марокъ за каждого захваченнаго русскаго солдата. 20 февраля мы изловили германскаго поручика, который съ нѣсколькими охотниками самъ только что вышелъ добывать языка.

Мы съ увѣренностью можемъ сказать, что русскій солдатъ за захваченнаго нѣмецкаго солдата ни копейки не получитъ.

Потому что, если бы платить русскому солдату по 50 рублей за каждого плѣннаго нѣмца, русскій государственный бюджетъ затрещалъ бы, а нѣкоторые русскіе солдатики имѣли бы возможность купить себѣ по небольшой виллѣ на побережьѣ Средиземнаго моря...

Страшное засѣданіе.

Въ красноярской газетѣ „Г. П. Лист.“ напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Каинска:

Необыкновенный случай. Изъ Каинска передаютъ, что во время думскаго засѣданія, при разсмотрѣніи вопроса о благотворительности, у гласнаго протоіерея Орфеева длинные волосы „стали дыбомъ“, а у гласнаго А. Филимонова тоже „стали бы дыбомъ“, но къ большой его радости этого не произошло, потому только, что онъ лысый.

Единственный выходъ изъ тяжелаго положенія, создавагося въ Каинской думѣ, это — или не разсуждать о благотворительности, или членъ мѣ думы бритъся наголо...

Ибо нельзя духовному лицу являть своимъ прихожанамъ столь соблазнительный видъ, какъ стоящіе дыбомъ волосы, аки листва дуба Мамврійскаго...

Загадочная необычайность.

Екатеринодарская газета печатаетъ удивительную замѣтку:

Загадочная необычайность.

24 декабря 1914 года дѣвица Анисья Карташева родила, какъ сказано въ рапортѣ волостного старшины, — мертворожденнаго ребенка, съ признаками насильственной смерти. Что это за „мертворожденный ребенокъ съ признаками насильственной смерти“ — волостному старшинѣ выяснитъ не удалось.

Не умертвилъ ли волостной старшина ребенка просто однимъ видомъ своего интеллигентнаго лица.

ПАРАЗИТЫ ДѢТСКОЙ.

У взрослыхъ много драгоценныхъ книгъ,
Дающихъ имъ высокое блаженство
Свое уродство позабыть на мигъ,
Увѣровавъ въ чужое совершенство;
Какъ строгъ, богатъ и гибокъ ихъ языкъ!
Но для дѣтей въ лавчонкѣ ихъ степенства,
На пыльных полкахъ, сыщешь ты наврядъ
Книгъ пять иль шесть, въ себѣ таящихъ кладъ.

Всѣ, для кого пути литературы
Заказаны, развязно прутъ сюда,
Неся съ собой тюки макулатуры,
Плодъ безталаннаго, убогаго труда;
Какія жалкія, унылыя фигуры!
Ихъ вдохновеніе святое никогда
Своимъ лучомъ божественнымъ не грѣло,
Но ихъ тщеславіе не вѣдаетъ предѣла.

Имъ кажется, что только потому
Произведенія ихъ не видятъ свѣта,
Что нѣкій Зетъ дрожитъ въ своемъ дому,
Страшась таланта новаго поэта,
Могущаго путь преградить ему;
Вотъ почему на рукописяхъ «вето»,
А ихъ творцы въ безвѣстїи и тѣни
Унылые свои проводятъ дни.

И эта-то бездарная орава
Развязныхъ нищихъ мысли и пера,
Сюсюкая умильно и гнусаво,
Питаетъ умъ ребенка. Дѣтворя
Не вѣдаетъ, что пища, что отравя,
Но намъ уже давнымъ-давно пора,
Рукой на двери указавъ имъ прямо,
Очистить дѣтскія отъ завали и хлама.

В. Князевъ.

Рис. К. Кузнецова.

СОБЛЮДЕНІЕ ПОСТА.

— И какъ сказалъ онъ мнѣ, значить, эти слова — я хватъ эту рыбу за хвостъ да этой рыбой его по физіи.

— Нечего сказать — хорошъ и ты! Это въ Великій постъ-то да рыбой по физіи?

— Что жъ что постъ: нешто рыба скоромная?

Въ 4 года.

Двѣ крохотныхъ дѣвочки сидятъ на подоконникѣ, обратившись лицами другъ къ другу, и шепчутся.

— Твоя кукла не растеть?

— Нѣтъ... Ужъ чего, кажется, я ни дѣлала.

— Я тоже. Маленькая все, какъ и была. Ужъ я ее и водой потихоньку поливала и за ноги тянула — никакихъ гвоздей!

— Какихъ гвоздей?

— Никакихъ. Это дядя Гриша такъ говоритъ: пусто — и никакихъ гвоздей!..

Серафима, сидящая слѣва, угнетенно вздыхаетъ:

— А живыя дѣти растутъ.

— Весело! Сегодня дитѣ два аршина, завтра сто — весело!

— Когда выйду замужъ, будутъ у меня дѣтишки — одна возня съ ними.

— Симочка, — шепчетъ другая, глядя вдаль широко раскрытыми глазами. — А сколько ихъ будетъ?

— Пять. У одного будутъ черненькіе глазки, а у другого зелененькіе.

— А у меня будетъ много-много дитѣвъ!

— Ну, не надо, чтобы у тебя много! Лучше у меня много.

— Нѣтъ, у меня! У одного будутъ розовые глазки, у другого желтенькіе, у другого бѣленькіе, у другого красненькіе...

Зависть гложетъ сердце Симочки:

— А я тебя ударю!

Дергаетъ свою многодѣтную подругу за волосы. Плачь. Святое материнство!

Въ 12 лѣтъ.

— Ѳедоръ Николаичъ! Вы уже во второмъ классѣ? Поздравляю.

— Да, Симочка. Вы говорили, что когда я чего-нибудь достигну, вы... этого... женитесь на мнѣ. Вотъ... я... достигъ...

— Поцѣлуйте мнѣ... руку... Ѳедоръ Николаичъ.

— Симочка! я никогда не унижался съ женщинами до этого, но вамъ извольте — я цѣлую руку! Мнѣ для васъ ничего не жалко.

— Разъ вы поцѣловали, намъ нужно пожениться. Какъ вы смотрите на дѣтей?

— Если не режутъ — отчего же.

— Слушайте, Ѳедоръ Николаичъ... Я хочу такъ: чтобы у насъ было двое дѣтей. Одинъ у меня отъ васъ, а другой у васъ отъ меня.

— Я бы, собственно, трехъ хотѣлъ.

— А третій отъ кого же?

— Третій? Ну, пусть будетъ нашъ общій.

— Одѣну я ихъ такъ: мальчика въ черный бархатный костюмчикъ, на дѣвочкѣ розовое, съ голубымъ бантомъ.

— Наши дѣти будутъ счастливыя.

— Въ сорочкахъ родятся.

— И лучше. Пока маленькія — пусть въ сорочкахъ и бѣгаютъ. Дешевле.

— Какой вы практикъ. А мнѣ все равно. Лишь бы дѣти. Святое материнство!

Въ 18 лѣтъ.

Разговоръ съ подругой:

— Симочка! Когда ты выйдешь замужъ — у тебя будутъ дѣти?

— Конечно! Двое. Мальчикъ — инженеръ съ темными усиками, матовая блѣдность, не курить, медленныя благородныя движенія; дѣвочка — извѣстная артистка. Чтобы такъ играла, что всѣ будутъ спрашивать: «Господи, да кто же ея мать? Ради Бога, покажите намъ ея мать.» Потомъ я ее выдамъ замужъ... За художника. Блѣдное матовое лицо, темные усики, медленныя благородныя движенія, и чтобы не курилъ.

Святое материнство!

Въ 22 года.

— Я, конечно, Сережа, противъ дѣтей ничего не имѣю, но теперь... когда ты получаешь сто сорокъ да сестрѣ посылаешь ежемѣсячно двадцать восемь... Это безуміе.

— Но, Симочка...

— Это безумно! Понимаешь ты? До безумія это безумно. Постарайся упредить свое положеніе и тогда...

Святое материнство!

Въ 30 лѣтъ.

— Сережа! Мнѣ еще 27 лѣтъ, и у меня фигура, какъ у дѣвушки... Подумай, что будетъ, если появится ребенокъ? Ты не знаешь, какъ дѣти портятъ фигуру...

— Странно... Раньше ты говорила, что не хочешь плодить нищихъ. Теперь, когда я богатъ...

— Сережа! Я для тебя же не хочу быть противной! Мнѣ двадцать седьмой годъ, и я... Сережа! Однимъ словомъ — время еще не ушло!

Святое материнство!

Въ 48 лѣтъ.

— Докторъ! Помогите мнѣ — я хочу имѣть ребенка!!! Понимаете? Безумно хочу.

— Сударыня. Въ этомъ можетъ помочь только мужъ и Богъ. Сколько вамъ лѣтъ?

— Вамъ я скажу правду — 46. Какъ вы думаете: въ этомъ возрастѣ можетъ что-нибудь родиться?

— Можетъ!

— Докторъ! Вы меня воскрешаете.

— У васъ можетъ, сударыня, родиться чудесная, здоровенькая, крѣпкая... внучка!

Арк. Аверченко.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Газета „Иркутская Жизнь“, по примѣру какой-то петроградской черносотенной газеты, тоже попала впросакъ: масленичную пародію Арк. Бухова на поэта Агнивцева и на остроты въ дешевыхъ плохихъ журналахъ — „Иркутск. Жизнь“ приняла за подлинное творчество сатириконецъ.

Нечего сказать — хорошее чутье у „Иркутской Жизни“...

Ежели такъ прямолинейно смотрѣть на вещи, то на вопросъ:

— Кто былъ самый знаменитый дуракъ?

надлежитъ отвѣтить:

— Эразмъ Роттердамскій!

— А почему?

— Потому что онъ написалъ „Похвалу глупости“.

А что онъ тамъ писалъ въ этой похвалѣ — не суть важно.

*

Какъ журналъ „Шутенокъ“ откликнулся на кровопролитную мировую войну:

Изображена на картинкѣ дѣвица въ соблазнительномъ видѣ, глядящая почему-то въ бинокль... Около нея порхаетъ ангелочекъ.

Подпись:

„Снова австріяковъ лупятъ словно козъ,
Вспомъ я говорила, что они — навозъ.“

Вообще всѣ герры
Хвастуны безъ мѣры.
Если имъ повѣришь,
То бюджетъ умѣришь.“

Отдавъ дань войнѣ, побряцавъ, такъ сказать, оружіемъ, „Шутенокъ“ обращаетъ свое ядовитое жало на внутреннія россійскія дѣла. Подпись подъ грудастой женщиной и господиномъ безъ воротничка:

— Сударыня, я хочу съ вами немного пофлиртовать...

— Хорошо, я согласна, но при одномъ условіи: я передъ флиртомъ выколою вамъ глаза и отпилю руки.“

Недаромъ французы говорятъ: „смѣхъ убиваетъ“.

Такой смѣхъ убьетъ лошадь, ломовика и исковеркаетъ крѣпкую желѣзную телѣгу.

А вѣдь есть, вѣроятно, поклонники и такого „безопаснаго смѣха“!.. Мало ли что бываетъ.

Говорятъ же, что родился недавно мальчикъ съ четырьмя ногами на спиѣ, а вмѣсто головы кирпичъ.

Вотъ уже будущій читатель „Шутенка“ и готовъ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

МЪЩАНСКІЯ СКОРБИ.

Дурная примѣта.

Было свѣтло въ соборѣ —
На Глинищахъ, у Ивана Предтечи;
Гости уже были въ сборѣ,
У иконъ теплились свѣчи...

Женихъ — человекъ исправный,
Маша счастливо выходила.
Ходъ былъ открытъ главный,
Сторожъ зажигалъ паникадило...

Въехала Маша въ каретѣ, —
На резиновыхъ шинахъ даже, —
Хоть одинъ разъ на свѣтѣ
Въ господскомъ прокатиться экипажѣ...

На улицѣ и холодъ, и слякоть,
Дорога дождемъ измята,
Прямо хочется плакать,
Что прохожіе спѣшатъ куда-то,

Что спѣшатъ и не заглянуть въ карету,
Не посмотрятъ любопытнымъ глазомъ.
Ни на флеръ-д'оранжевую наколку эту,
Ни на платье, отдѣланное газомъ...

Дребезжитъ мелодично рама,
Слеза у Маши на рѣсницѣ,

Вотъ раскрытыя двери храма,
— «Гряди, гряди, голубице!..»

Это вѣдь она — голубица,
Это встрѣчаютъ Машу...
Думаетъ: «буду молиться
За жизнь новую нашу»...

Жарко Маша молится,
Ярый воскъ со свѣчи капалъ,
Сталь шаферъ мѣнять кольца
И... уронилъ ихъ на полъ...

Звякнуло золото звонко
О мраморныя холодныя плиты,
Счастье человеческое тонко —
Вотъ оно уже и разбито!

Бѣлѣй, чѣмъ нарядъ подвѣнечный,
Маша съ лица стала,
Женихъ, другъ сердечный,
Чуетъ, что воздуху ему мало...

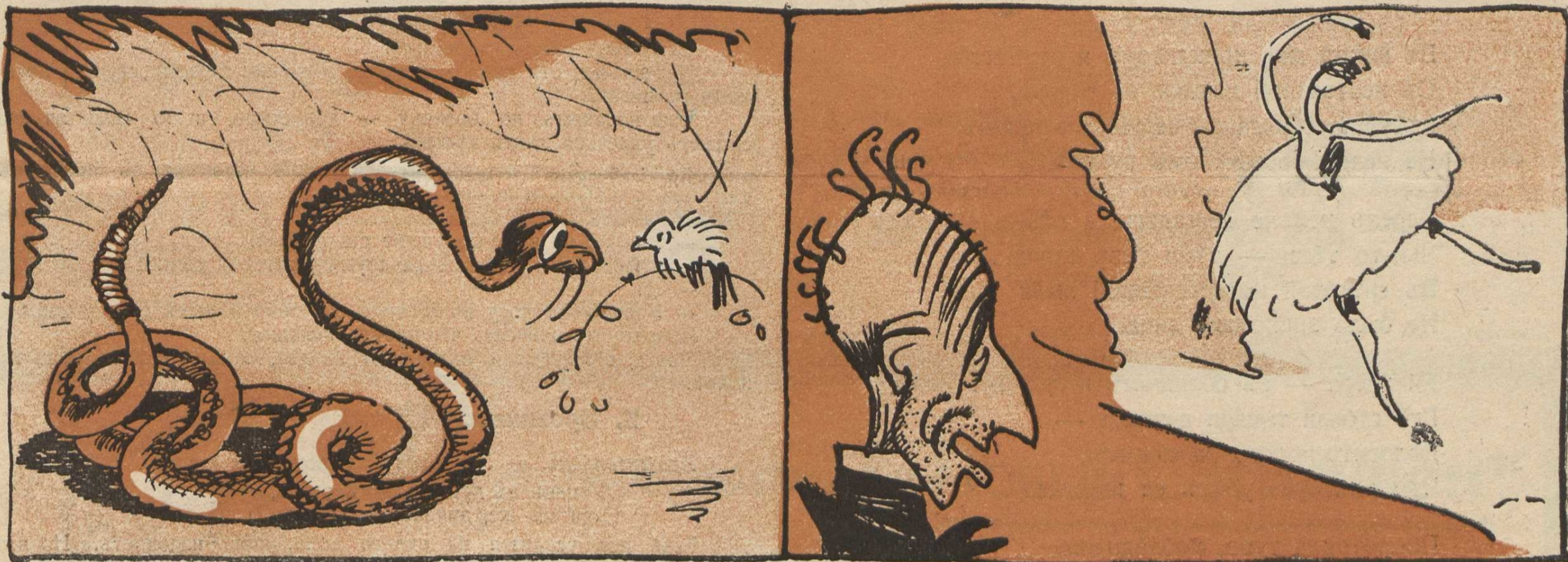
Въехали печально обратно,
Ни вопроса другъ другу, ни отвѣта;
По бокамъ бѣжали свѣтлыя пятна —
Съ фонарями была карета...

Валентинъ Горьанскій.

С Р А В Н Е Н І Я .

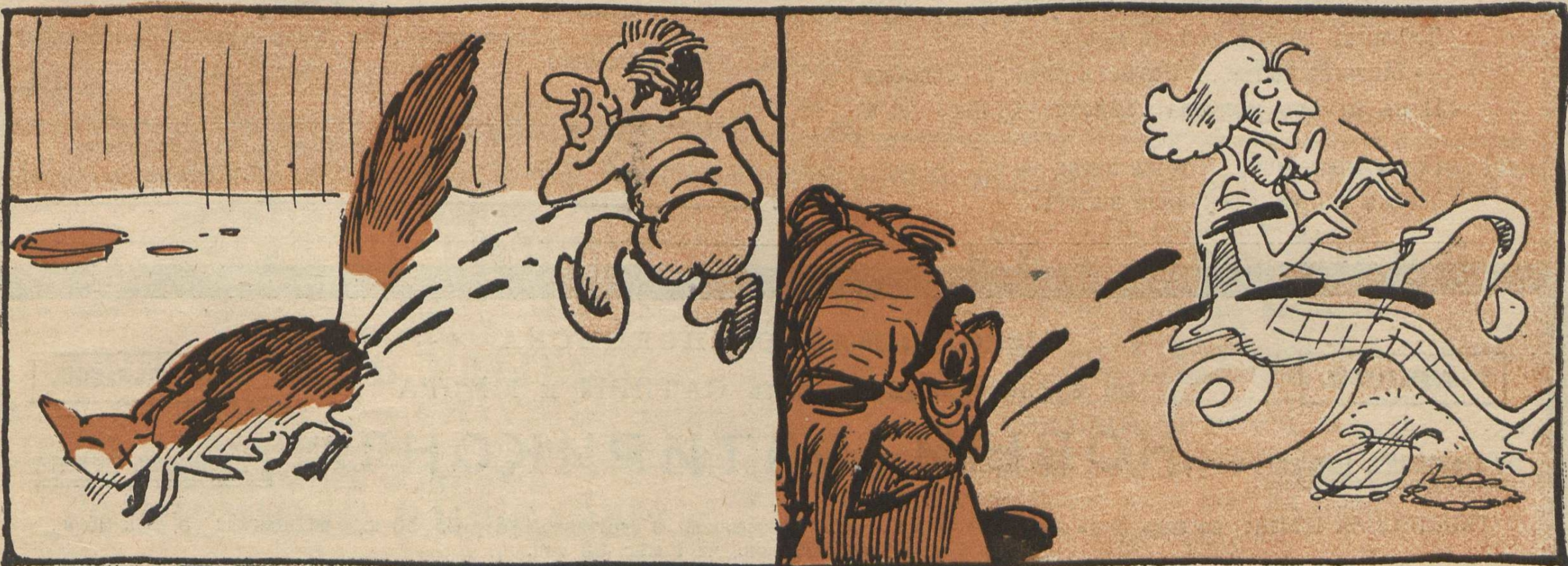
(Опытъ сравнительной психологии.)

Рис. Ре-ми.

Посмотрите на этотъ рисунокъ. На немъ вы видите маленькую, хорошенькую, веселую птичку, на которую уставилась страшнымъ взглядомъ змѣя. Увы! не пѣть больше птичкѣ, не порхать... — Она погибла. Знаете ли вы, на кого похожа эта птичка?!!

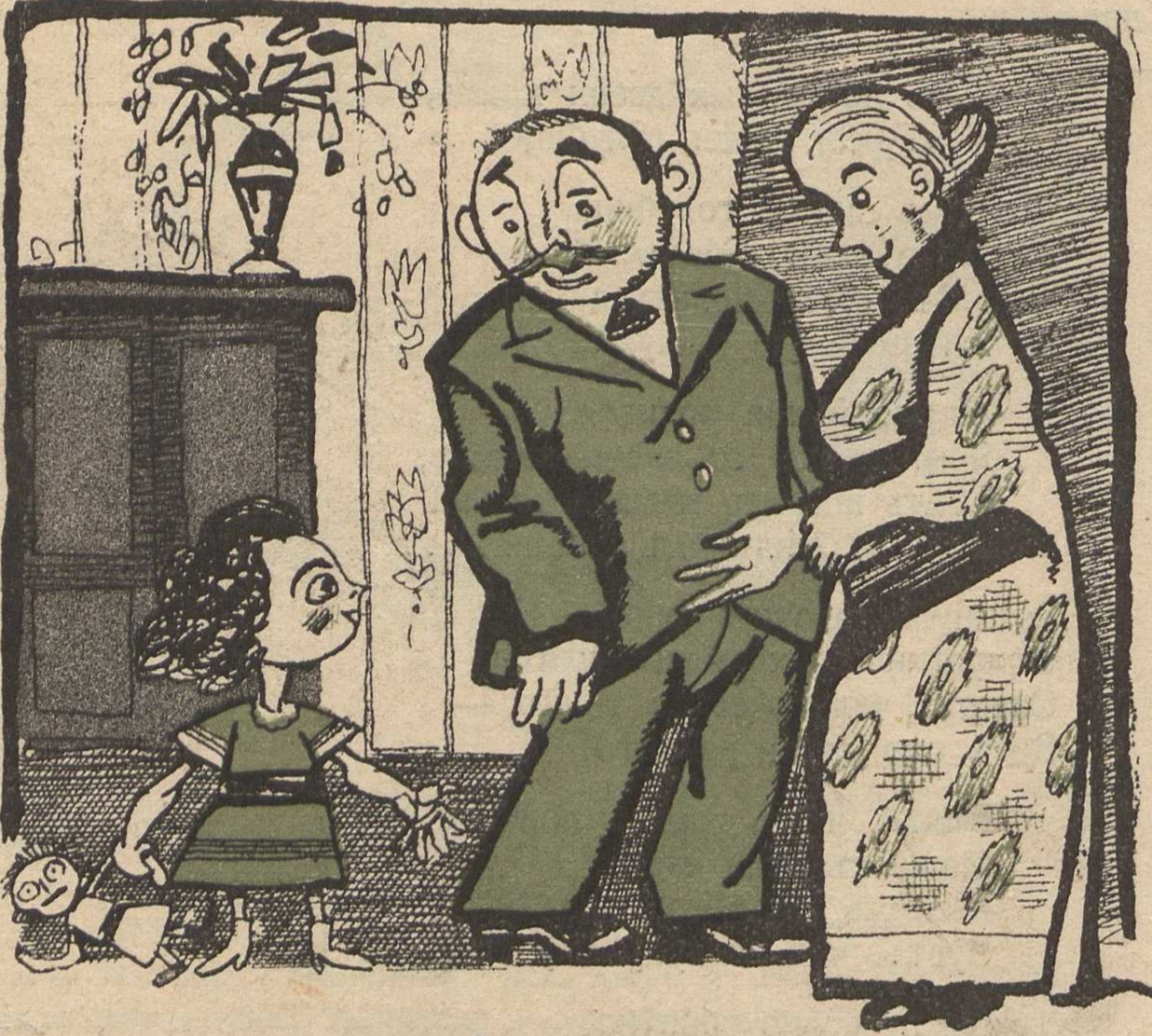
Похожа она на балерину, на которую уставился страшнымъ глазомъ своимъ г. Волынскій. Подламываются пуанты, не выходятъ „бриллиантовья заноски“ отъ одной мысли, что прочтетъ она завтра въ „Биржевкѣ“.

Посмотрите на этотъ рисунокъ! Вы увидите на немъ звѣрька, по названію „Вонючка“, обладающаго зловонной струей своей прохожаго, тихо бредущаго къ родному очагу... Знаете ли вы, на кого похожъ оный звѣрь?

Похожъ оный звѣрь на г. Буренина изъ „Новаго Времени“, который, уподобясь вонючкѣ, окатываетъ зловонной струей чернилъ своихъ проходящаго мимо — поэта ли, прозаика ли — все равно!..

Рис. Н. Д.

УМНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

— А гдѣ твоя большая кукла?
 — Да она, мама, совсѣмъ отъ рукъ отбилась.
 — Какъ это такъ?
 — Да такъ: руки теперь у нея отдѣльно, а она отъ нихъ тоже отдѣльно отбилась.

НЕВѢСТА.

Въ вихрѣ дня, крикливомъ и нелѣпомъ,
 Съ неотвязной мыслью въ головѣ,
 Дѣвушка стояла съ чернымъ крепомъ
 На зеленомъ нѣжномъ рукавѣ.

Передъ ней не двигались, а плыли
 Чьи-то тѣни — тѣни безъ конца...
 Въ снѣговой непрерыванной пыли
 Не было знакомаго лица.

Ей вчера — въ большомъ и гулкомъ залѣ,
 Гдѣ стояли тысячи другихъ —
 Дѣловито-просто рассказали,
 Что на-дняхъ убить ея женихъ.

Посмотрѣла тупо, поблѣднѣла,
 Сжалась въ горлѣ жгучія слова...
 Какъ сегодня — улица бѣлѣла
 И кружилась въ вихрѣ голова.

Въ эту ночь надломленно и зыбко
 Тлѣла въ сердцѣ робкая мечта:
 — Можетъ быть... Бываетъ вѣдь... Ошибка...
 И въ отвѣтъ молчала темнота.

Приходила снова. Тѣ же люди,
 Та же скорбь тоскующе висить.

Кто-то рылся вновь въ бумажной грудѣ
 И сказалъ сочувственно: «убить».

Сразу жизнь сомкнулась жуткимъ склепомъ,
 Гдѣ сошлись всѣ прежніе пути...
 Дѣвушка съ холоднымъ чернымъ крепомъ
 Некуда и не зачѣмъ идти...

Арк. Буховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Зевсу Нептуновичу. — Въ прошломъ номерѣ „Нов. Сат.“ въ отдѣлѣ „Перья изъ хвоста“ мы цитировали фразу изъ „военнаго“ разсказа Л. Гумилевскаго, у котораго „Пулеметы мѣрно хохотали“.

А Зевсъ Нептуновичъ находитъ, что пулеметы издаютъ другой звукъ... У Зевса Нептуновича „пулеметы дрягали и шмякали, будто тысяча ложекъ по невидимой кашѣ“.

Автору извѣстно, конечно, нѣсколько сортовъ каши. Какъ жаль, что въ дѣтствѣ его не познакомили съ самымъ для него полезнымъ сортомъ каши, память о которомъ удержала бы его теперь отъ писанія „военныхъ“ разсказовъ.

Инженеру К. — „Я началъ писать только благодаря вашему журналу“.

Первый разъ слышимъ, чтобы нашъ журналъ приносилъ несчастье.

Ривочкѣ изъ Винницы. — Благоуханная лѣтняя картинка:

„Ужъ пыль совсѣмъ улегалась
 И деревенскіе домики заснули,
 И такъ тихо сдѣлалось,
 Только одни деревья гнулись.“

Отъ такой риемы согнешься.

Независимо отъ сего, запомните, Ривочка: нельзя „стучать носикомъ ботинка“.

Еще носикомъ по ботинку — допустимо, и то едва ли кто сможетъ увлечься этимъ дѣломъ.

Казльдѣ. Такъ остричь можетъ только человѣкъ съ простымъ дѣтскимъ сердцемъ и неумудренной душой.

„Срѣзаль“.

— У меня на носу полученіе ста рублей.

— Значитъ, ты равняешься двумъ тысячамъ свиней?

— ?!!

— У нихъ на носу по пятаку, а у тебя цѣлыхъ сто рублей.“

Попробуйте написать что-нибудь большое.

Авось, это займетъ васъ года на два, и вы оставите насъ въ покоѣ.

Б. Провинція.

Архангельскѣ. — Уголькову. Героическія строки.

„У насъ въ душѣ горитъ огонь,
 Садитесь же, друзья, на конь.“ (?)

Если всѣ усядутся на одного коня, конь издохнетъ. Но это ничего. Лишь бы стихи были хорошіе. Не правда ли, Угольковъ?..

Тула. — С. М. О-ву — С. М. О-въ дѣлаетъ странное признаніе: „Пишу только тогда, когда возжа подъ хвостъ попадетъ“.

Такой удивительный путь къ вдохновенію включаетъ всякую возможность сотрудничества въ нашемъ журналѣ.

Поэты на Пегасахъ посѣщали насъ, но одинъ Пегасъ безъ поэта намъ не нуженъ.

Въ простр. — Бациллѣ. — „Мои стихи — это не фунтъ изюму“. Къ сожалѣнію.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ

И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку ничего не платятъ.

Вышло изъ печати 3-е изданіе новой книги

„Теплая компанія“.

(Съ кѣмъ мы воюемъ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу новыя книги
(выпуски Дешевой библиотеки):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О НѢМЦАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“...**

Обложка работы РЕ-МИ.

СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.

О. Л. Д'Орѣ

**ПРОКЛЯТІЕ
НАЧАВШИМЪ.**

Цѣна 10 коп.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

— 7-е изданіе книги —

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О ХОРОШИХЪ
ВЪ СУЩНОСТИ
ЛЮДЯХЪ“.**

Книга новыхъ юмористическихъ
рассказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЫ КОГДА РОДИЛИСЬ?

Сообщите мѣсяцъ, въ которомъ Вы родились или интересующая Васъ личность, и мы вышлемъ Вамъ соответствующую книгу, составленную знаменитымъ медумомъ Миссъ-Хассе, въ которой Вы найдете полный, точный и подробный анализъ характера, опредѣленіе прошлаго, настоящаго и будущаго съ вѣрными указаніемъ какъ жить и что дѣлать для достиженія успѣха въ жизни.

Книга высылается по получени 50 коп. марками въ заказномъ письмѣ (наложеннымъ платежомъ на 30 коп. дороже).

Адресъ: Варшава, редакция журнала „Разсвѣтъ“ Психо-Френологу Х. М. Шиллеру-Школьнику. — 10.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 88.

Дешевая юмористическая библиотека.

Вышли и поступили въ продажу
слѣдующіе выпуски:

№ 1—12. Аркадій Аверченко. № 13. Тэффи. № 14. Ландау. № 15. Аркадій Аверченко. № 16. О.Л. Д'Орѣ. № 17. Аркадій Аверченко. № 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

Издательство „Новый Сатирикон“

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 88. — Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій:

Петроградъ, Невскій, 55, Книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Книга новыхъ рассказовъ.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ
Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 88.

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

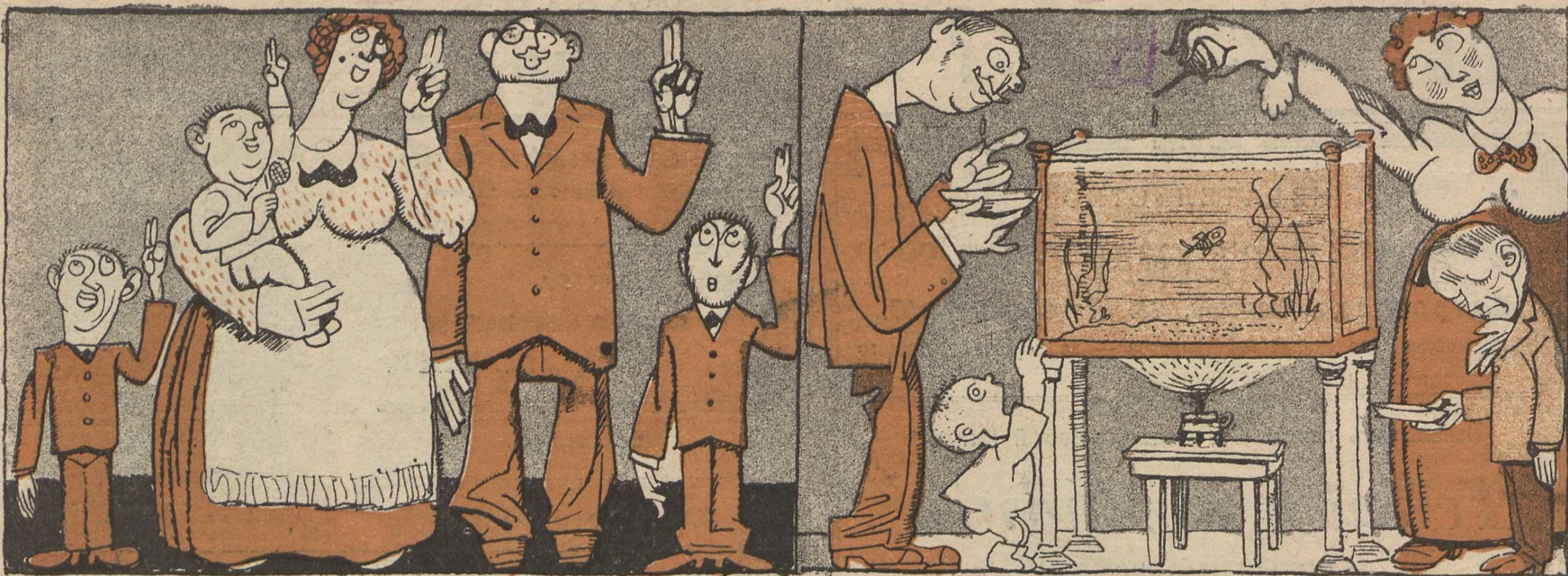
АРКАДІЙ БУХОВЪ.

МИНИАТЮРЫ.

Репертуаръ Петроградской „Летучей Мыши“.

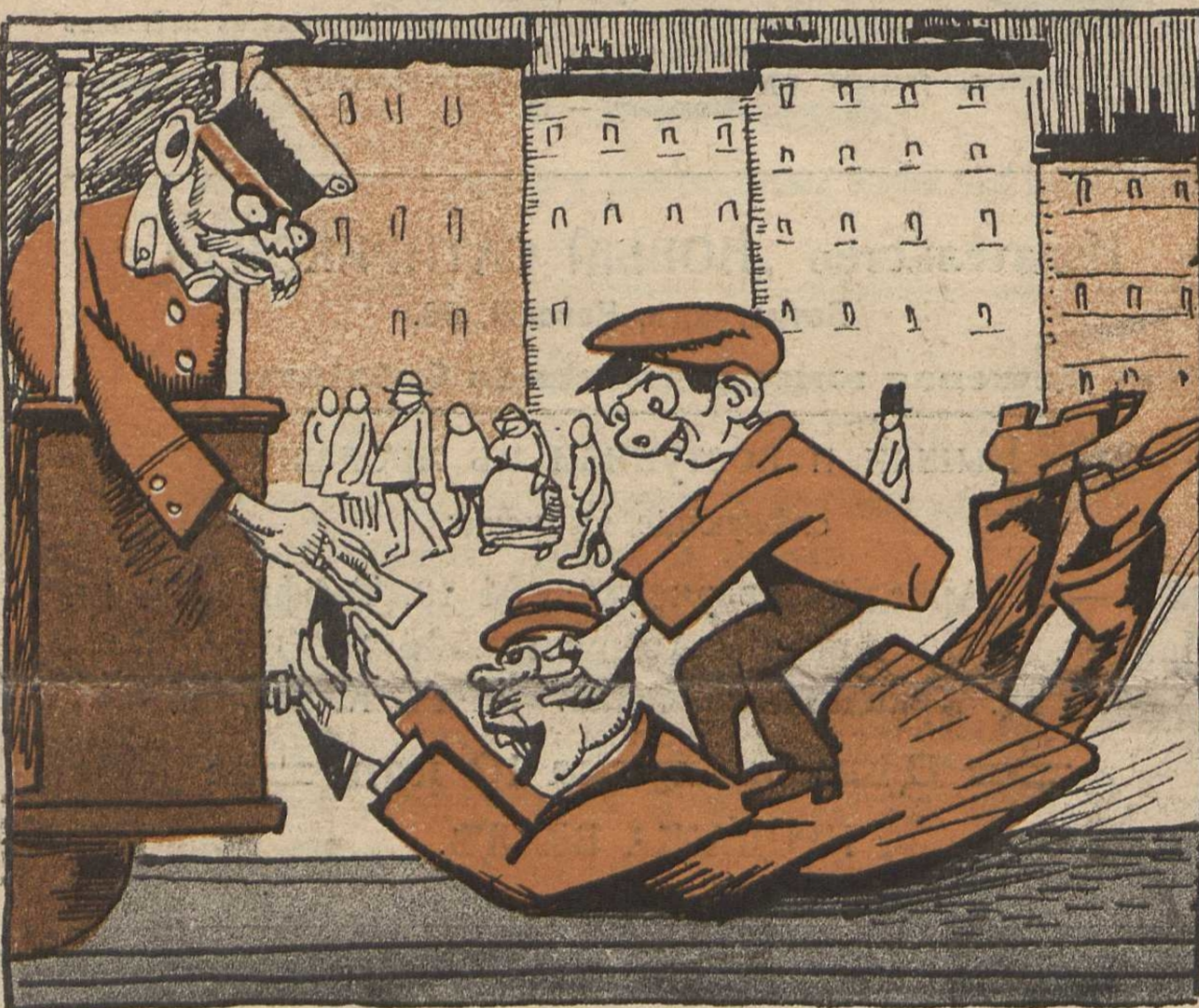
Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изд. „Театральныя Новинки“, Итальянская, 37.

Всѣ нѣмцы должны поклясться кайзеромъ и пивомъ, что они будутъ соблюдать во всемъ самую строгую экономію.

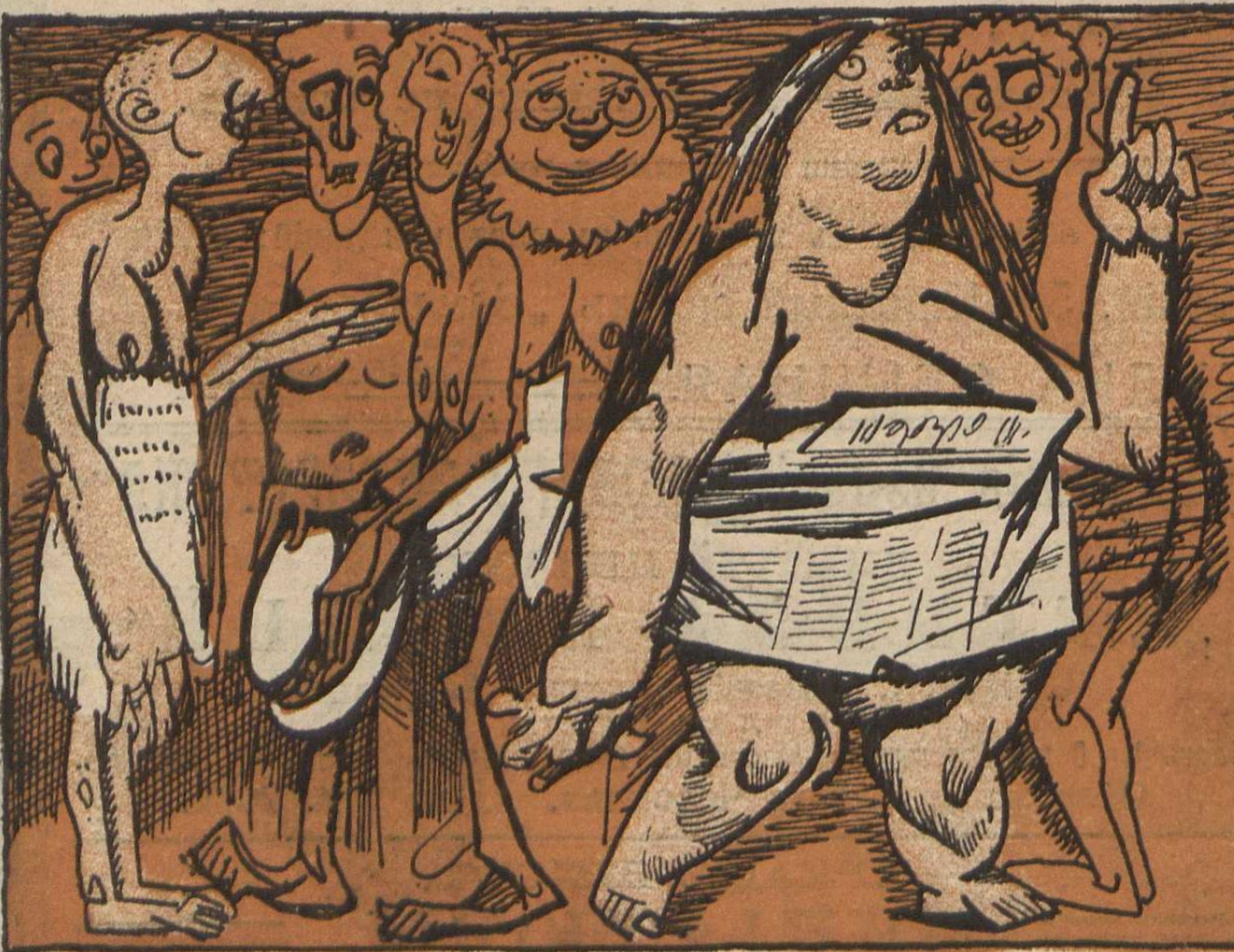
Въ минуту бѣды честный нѣмецъ не имѣетъ права владѣть такимъ предметомъ роскоши, какъ акваріумъ. Изъ рыбы должна быть сварена уха съ масломъ для швейной машинки.

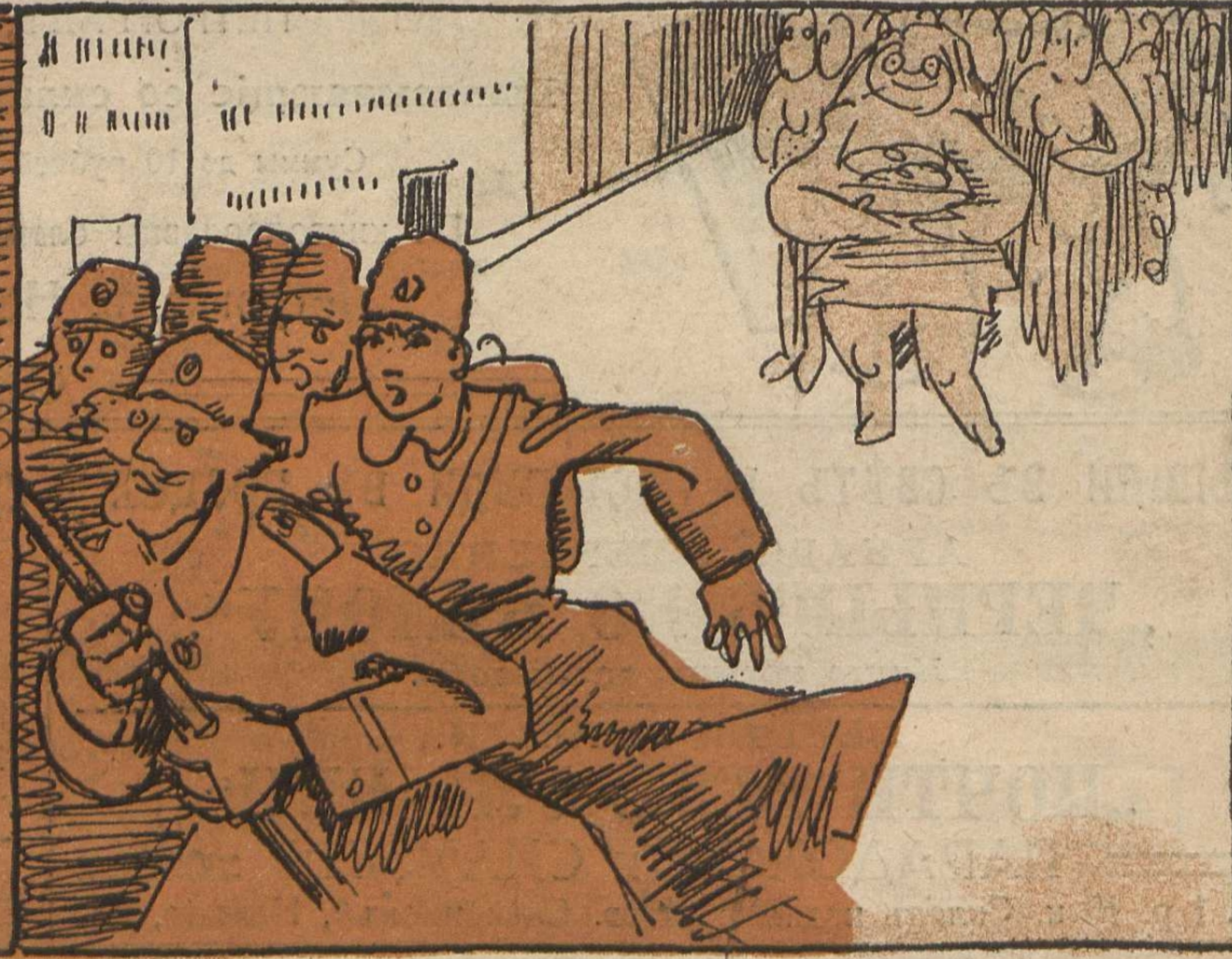
На трамваѣ нѣмецъ долженъ тратить только половину денегъ за билетъ. Правда, ѣхать на эту половину не очень удобно, но зато получается экономія, а для родины и т. д...

Лысые старики, не годные для войны, а также бурши съ красными носами будутъ приглашаться за 50 пфениговъ въ вечеръ. Хотя это и не такъ свѣтло, какъ электричество или газъ, но зато получается экономія, а для родины и т. д...

Самая строгая экономія должна соблюдаться въ женскихъ костюмахъ. Всѣ нѣмки должны срѣзать волосы себѣ и мужьямъ и изъ нихъ связать себѣ костюмы; кромѣ того, для этой же цѣли рекомендуются газеты и журналы. Это не очень удобно, но зато получается экономія, а для родины и т. д...

Да, экономія спасетъ Германию! И когда побѣдныя русскія войска подойдутъ къ Берлину и увидятъ идущихъ къ нимъ навстрѣчу нѣмковъ въ экономическихъ костюмахъ — доблестныя русскія войска, не боящаяся пушекъ и штыковъ, побѣгутъ... Вотъ что можетъ сдѣлать нѣмецкая экономія! Правда, для самолюбія нѣмокъ это обидно, но зато Берлинъ вздохнетъ свободно, а для родины и т. д...